

*“Я прожил достаточно, чтобы
понять, что мое время пришло”.*

Четверг

Глава 1

Водитель Убера удрученно посмотрел на меня в зеркало заднего вида. За последние десять минут мы практически не сдвинулись с места. Он кивнул на свой навигатор: сплошная красная линия протянулась на добрые две мили. Машины вдоль набережной стоят в глухой пробке. Такими темпами мы от Ричмонда будем пробираться через Сент-Марнем до моего дома в лондонском районе Хадли больше часа.

Я смотрю в окно на поздний октябрьский вечер. Уже стемнело.

— Наверное, быстрее будет, если я здесь выйду, — говорю я. — Пройдусь дальше пешком.

Водитель поднимает руки и пожимает плечами.

— Надеюсь, вам подвернется кто-нибудь в обратную сторону, — слабо извиняюсь я, открывая пассажирскую дверцу.

— Видно будет, — устало отвечает водитель.

Я вылезая наружу и наблюдаю, как он разворачивается и уезжает назад, подальше от типичной для западного Лондона пробки.

На улице холодно, и от моего теплого дыхания в воздухе образуется пар. Я застегиваю куртку и прячу руки поглубже в карманы. Шагаю к набережной, чувствуя под ногами хруст опавшей листвы. Дорога ведет в Сент-Марнем, но на севере деревни я срежу путь к Хадли через футбольное поле.

Завибрировал мобильник. Откидываю крышку, озаряя светом экрана темную тропинку. Сообщение от Мадлен Уилсон — моей начальницы из новостного онлайн-агентства, самого известного в стране. Последние шесть часов мы провели у нее в доме с видом на Ричмонд-парк, дорабатывая сценарий для подкаста по криминалистике, который я буду записывать через неделю. И вот Мадлен уже шлет мне очередные предложения для сценария. В этом она вся — неутомима, всегда полна свежими идеями. Журналистика у нее в крови: ее отец Сэм — газетчик старой школы. Она сама никогда это не признает, но я хорошо знаю, что ее профессиональная одержимость, стремление первой раскопать лучший материал, достались ей именно от отца. А от нее, видимо, перешли и мне.

В последние недели перед записью Мадлен поддерживала меня всеми силами. Полгода тому назад при поддержке местного офицера полиции — констебля Дэни Каш — я раскрыл правду о смерти моей матери и о жестоком убийстве Ника. Страшная гибель моего 14-летнего брата уже четверть века тревожила умы моих соотечественников. Как раз историю Ника я и собирался рассказать в этом подкасте.

Мне было восемь, когда его убили, и эта потеря останется со мной навсегда. На протяжении многих лет я просто не мог осмыслить произошедшее. Чудовищный характер этого убийства сделал мое имя —

Бен Харпер — известным не только в нашей стране, и большую часть своей жизни я прожил в тени смерти Ника и скорби нашей семьи. После кончины матери, которая, как считалось, покончила с собой, я понял, что выход у меня один — идти дальше, вперед, не оглядываясь на прошлое. Но в этом году, когда история моей семьи обросла новыми подробностями, все изменилось. Узнав наконец правду, я решил, что хочу рассказать ее и другим. Я опубликовал эту историю на нашем новостном сайте, и она привлекла внимание людей по всему миру, собрав, к вящей радости Мадлен, рекордное количество просмотров. Я боюсь, что подкаст вызовет новую волну интереса к истории моей семьи, но мое стремление рассказать людям правду все же сильнее. Ник был моим героем, и этот подкаст — единственное, что я могу противопоставить несправедливости, отнявшей его у меня. Я все еще скучаю по нему. И по маме. Каждый день.

Сент-Марнем ярко освещен фонарями, но на краю футбольного поля на окраине деревни я снова оказываюсь в темноте. Пробираюсь по тропинке; от земли холодно ногам. Замечаю впереди мелькающие огоньки и через пару секунд отступаю, давая дорогу двум велосипедистам, которые спешат домой после долгой рабочей недели. Рядом тянется подсвеченная снизу беговая дорожка; по ней, борясь с пронизывающим ветром, несется одинокая бегунья, упорно приближаясь к финишной прямой. Из-за кирпичных стен нового спортивного павильона доносятся пугающе бодрые звуки — там проходят занятия по фитнесу.

Чтобы срезать милю на пути к Хадли, сворачиваю к небольшой рощице за кромкой футбольного поля. Оттуда спускаюсь к реке, иду в сторону кладби-

ща за церковь Святого Стефана и вскоре упираюсь в железную ограду, через которую я, как и многие жители Хадли и Сент-Марнема, за последние тридцать лет перелезал, наверное, тысячу раз, чтобы быстрее добраться до Нижней улицы. Перекидываю сумку через плечо и хватаюсь за невысокое ограждение. Холодный металл покрыт инеем, и я как наяву слышу мамин голос; она спрашивает, почему я не потрагился на пару перчаток. Подтягиваюсь и забираюсь на ограду, но руки скользят, и меня тянет назад; пытаюсь удержать равновесие, хватаюсь за острое навершие и падаю вперед, прямо на заброшенное кладбище.

Сжимаюсь в ожидании удара о землю, но не падаю, а повисаю в воздухе. Ремень сумки зацепился за верх ограды. Чертыхаясь, вытягиваю вверх руки в попытке отцепиться, но ничего не выходит. Единственный выход — порвать ремень, понимаю я и делаю рывок вперед. Ремень рвется, и я падаю на землю. Подвернутую лодыжку пронзает боль, и я с криком скатываюсь по покатуму склону в нижний темный угол кладбища.

Некоторое время я просто лежу на сырой земле, стараясь прийти в себя. Куртка вся в грязи; в лодыжке пульсирует боль. Замечаю, что из сумки вывалился ноутбук. Осторожно встаю на правое колено и поднимаюсь, пробуя перенести вес на левую ногу. Втягиваю сквозь зубы холодный воздух и задерживаю дыхание. Опираясь на замшелое надгробие, дотягиваюсь до сумки и убираю в нее ноутбук. Внезапно мое внимание привлекает яркий оранжевый свет, озаряющий кроны деревьев на дальней стороне кладбища.

Кое-как встаю на ноги и, цепляясь за надгробия, выхожу, хромая, на тропинку, пересекающую кладбище. С каждым шагом свет становится все ярче. Вот

церковь Святого Стефана XVI века, но ее освещает лишь фонарь над тяжелой дубовой дверью. Забыв о боли в лодыжке, обхожу церковь сбоку и снова вижу оранжевый свет, теперь уже слепяще яркий. Заброшенный местный клуб за церковью охвачен огнем.

Из-под грязной красной черепицы валят клубы дыма. Увитые плющом стены лижут языки пламени. Бросаю сумку на землю и лихорадочно шарю в кармане в поисках мобильного. В этот момент одно из окон клуба лопається, осыпая дорогу битым стеклом и снопом искр. Весь церковный двор освещен пламенем; жар настолько сильный, что мне даже на таком расстоянии приходится отступить на шаг назад. Нахожу наконец телефон и собираюсь позвонить и позвать на помощь, но тут вдруг замечаю внутри горящего здания какое-то движение.

Я вздрагиваю.

Вглядываюсь пристальнее и снова замечаю сквозь дым движение — на фоне ярко-оранжевого огня мелькнуло что-то черное.

И тут я вижу в разбитом окне силуэт человека.

По всему моему телу мгновенно разносится адреналин, и я без раздумий бросаюсь к исписанной граффити двери клуба. Она закрыта. Я кричу этому несчастному внутри, чтобы искал выход. Тот мешкает, а затем бросается назад и исчезает среди языков пламени.

Я пытаюсь выбить дверь плечом, но та не поддается. Отступаю дальше и с разбега бью по ней ногой.

Замок не выдерживает, и я вваливаюсь прямо в пекло.

Дым такой густой, что я едва могу различить скорчившуюся на полу фигуру. Судя по тому, как ли-

хорадочно руки человека шарят по полу, он что-то ищет.

— Ты что? — кричу я, прикрывая рот в тщетных попытках не наглотаться дыма. — Беги отсюда, скорее!

Но незнакомец — на голове у него капюшон — продолжает ползать по полу, словно не видит открытого мной пути к спасению.

— Брось, сгнишь! — кричу я.

Незнакомец вскакивает на ноги и поворачивается ко мне. На мгновение застывает в нерешительности, а затем бросается вперед и выбегает из здания. Вокруг меня пляшут языки пламени, жар невыносим. Я кое-как поднимаюсь на ноги и выбираюсь наружу.

Падаю на дорогу, жадно глотая холодный воздух. Вглядываюсь в темноту и ищу глазами Нижнюю улицу. Удаляющийся прочь от пожара человек не замедляет бега. Выскакивает на дорогу — одна из машин резко тормозит, и ночную тишь пронзает резкий гудок. Незнакомец отталкивается руками от капота, и фары машины на миг освещают его угловатую фигуру. Все еще пытаюсь насытить легкие вечерним воздухом, я лежу и наблюдаю, как его приметные ярко-оранжевые спортивные штаны исчезают в темной роще, начинающейся за Хадли-Коммон.

Глава 2

Зайдя в отдел уголовного розыска, располагавшийся в задней части полицейского отделения Хадли, констебль Дэни Каш почувствовала, как у нее перехватывает дух. Она взглянула на висящие на стене часы. Без десяти восемь — она пришла за несколько минут до встречи со старшим инспектором Бриджет Фримен. С тех пор как днем ей сообщили, что ее вызывает старший инспектор, время едва ползло. Встреча была назначена на семь часов, но ближе к делу Бриджет Фримен пришлось ее перенести.

По четвергам отдел в это время суток обыкновенно пустовал — уже к шести паб в начале улицы стабильно выманивал из офиса большую часть детективов. Сегодня здесь остались только двое. Оба ужинали — в душном помещении витали ароматы острых мексиканских тако. Полицейские мельком взглянули на Дэни, и один передал другому телефон и рассмеялся. Что-то в выражении его лица подсказало Дэни, что ей его шутка не понравилась бы.

Отделение полиции Хадли было одним из последних в столице, все еще размещавшемся в старом викторианском здании. На протяжении многих лет его без конца расширяли, устраивая все новые плохо продуманные перепланировки. Приспосабливаясь к нуждам растущего отделения, ломали стены, объединяли кабинеты в общие офисные залы, втискивали письменные столы в ниши, прежде занятые шкафами. Однако розыскной отдел несмотря ни на что оставался на прежнем месте — в задней части старого здания, подальше от повседневной суеты. Летом здесь было невыносимо жарко; зимой включали обогреватели, но они производили больше шума, чем тепла. Высокие, почти до потолка, окна практически не давали света, поскольку выходили на кирпичную стену соседнего здания.

Но это было единственное на всем белом свете место, где Дэни чувствовала себя по-настоящему дома.

Дэни прошла к своему столу. Провела ладонью по обшарпанной столешнице, ощущая кончиками пальцев царапины и шероховатости, испещрившие за долгие годы деревянную поверхность. Дэни отодвинула выдавшее виды офисное кресло из кожзама с протертым сиденьем и залоснившейся спинкой. Села за стол и пробежалась по полустертой клавиатуре компьютера. В детстве она одним пальцем набирала на ней свое имя, а за спиной у нее стоял отец, сам печатавший едва ли быстрее. Она прикрыла глаза и вспомнила, как он крутил ее на этом кресле — ей тогда не требовалось даже поднимать ноги, которые еще не доставали до пола. Она откидывалась назад; светлые волосы падали ей на лицо; она смея-

лась и плакала одновременно, а он все вертел и вертел кресло, пока у нее не начинала кружиться голова.

Дэни открыла глаза и вдруг увидела отца так же ясно, как видела его двадцать лет тому назад. С волосами, слегка тронутыми сединой, он как будто снова стоял на другом конце комнаты и отдавал распоряжения младшим офицерам — все до единого вытянулись по струнке и жадно ловили каждое слово Джека Каша. Она безумно гордилась им.

Потом звонил телефон или отца кто-то вызывал и он быстро уходил. Она сидела в этом кресле и смотрела, как отец чуть ли не бегом покидает кабинет, на ходу раздавая последние указания. Ей нравилась эта суета, ей хотелось уйти вместе с ним... Но приходилось сидеть и ждать его возвращения — столько, сколько потребуется. Иногда кто-нибудь из дружелюбных офицеров приносил ей бумагу и ручки. Дэни помнила, как однажды измазалась разноцветными чернилами, слюнявя засохшие кончики. К ней подошла милая дама, чтобы вытереть ей лицо. Это была начальница отца — старший инспектор Андерс. Она взяла Дэни за руку и повела на улицу. В магазине, куда они заглянули, дама разрешила ей выбрать две коробки цветных карандашей — одну домой, другую в офис. Дэни взяла коробку толстых ручек с цветными чернилами и коробку ярких восковых мелков.

— Спасибо, старший инспектор, — сказала она на обратном пути.

— Строго между нами: на самом деле меня зовут не старший инспектор. Можешь звать меня Кристин, но только тсс!

Годом позже, когда Кристин сказала ей, что выходит на пенсию, Дэни очень расстроилась. Но как же

она гордилась, когда узнала от отца, что теперь он будет руководить отделением. Она тогда от радости обняла его и сжала руками так сильно, что сама чуть не лопнула.

Скомканный бумажный пакет из-под тако стукнулся о край мусорной корзины и отскочил на пол, заставив Дэни спуститься с небес на землю. Она кинула взгляд на детектива, сделавшего неудачный бросок. Тот и не подумал подобрать мусор, а просто отвернулся к своему монитору. Дэни посмотрела на часы — без минуты восемь. Она пересекла комнату, подобрала злополучный снаряд и бросила его в корзину.

Отец всегда требовал от своих детективов порядка и чистоты в отделе.